

¹ Зиненко Я.В., ² Цмыкал О.Е.

^{1,2} Амурский государственный университет
^{1,2} 675027, Россия, г. Благовещенск, Игнатьевское шоссе, 21
¹ yasya11111@mail.ru
² olgatsmykal@yandex.ru

Я.В. Зиненко

О.Е. Цмыкал

Традиции и обряды трёхреченских эвенков (по материалам этнографических очерков-воспоминаний А.М. Кайгородова)

Аннотация. В данной статье рассматривается отражение бытовых, обрядовых и религиозных традиций эвенков Трёхречья в очерках-воспоминаниях этнографа А.М. Кайгородова. Обладая уникальным исследовательским опытом, Кайгородов смог воссоздать целостную картину традиционного уклада жизни эвенков, живших в Трёхречье в первой половине XX века. Авторы исследования выделяют основные особенности религиозных представлений и обрядовой деятельности трёхреченских эвенков, а также некоторые специфические черты их бытовой жизни, о которых в своих публикациях писал А.М. Кайгородов – в частности, в статье анализируются охотничьи традиции и обычаи, связанные с характерным для эвенков культом медведя («дедушки»), свадьбой и сопутствующим шаманским камланием.

Ключевые слова: эвенки, Трёхречье, этнография, художественная этнография, свадебные традиции, традиции охоты, шаманизм, культ медведя

¹ Yana V. Zinenko, ² Olga E. Tsmykal

^{1,2} Amur State University
^{1,2} 21 Ignatievskoe shosse, Blagoveschensk, 675027, Russia
¹ yasya11111@mail.ru
² olgatsmykal@yandex.ru

Traditions and Rituals of the Evenks of Trekhrechy (Based on the Materials of Ethnographic Essays-Memoirs of A.M. Kaigorodov)

Abstract. The article discusses the reflection of everyday, ceremonial and religious traditions of the Evenks of Trekhrechy in the essays-memoirs of the ethnographer A.M. Kaigorodov. Possessing a unique research experience, Kaigorodov was able to recreate a complete picture of the traditional way of life of the Evenks who lived in Trekhrechy in the first half of the 20th century. The authors of the study highlight the main features of religious beliefs and ritual activities of the Evenks of Trekhrechy, as well as some specific features of their everyday life, which A.M. Kaigorodov wrote about in his publications – in particular, the article analyzes hunting traditions and customs associated with the cult of a bear (“grandfather”), characteristic of the Evenks, a wedding and an accompanying shamanic ritual.

Key words: Evenks, Trekhrechy, ethnography, literary ethnography, wedding traditions, hunting traditions, shamanism, bear cult

Введение

Статья посвящена анализу жизни и обрядовой деятельности трёхреченских эвенков на материале этнографических очерков-воспоминаний Анатолия Макаровича Кайгородова. Следует отметить, что упомянутая группа эвенков изучалась и до него – в частности, их исследовал русский учёный и путешественник С.М. Широкогоров [Широкогоров, 1919], а также английский этнограф Этель Джоин Линдгрэн [Lindgren, 1930] и др. [Кайгородов, 2020].

Исследовательский опыт Кайгородова, тем не менее, уникален. Анатолий Макарович родился в Китае в 1927 г., проживал с родителями в Трёхречье¹ в деревне Дубовой, второй по численности населения русскими. В 1948 г. поступил в Харбинский политехнический институт на восточно-экономический факультет, после окончания которого работал в Мукдене и Пекине. В совершенстве владел 6 языками, в том числе китайским, японским, монгольским. В 1954 г. выехал в СССР на освоение целинных земель, затем переехал в Москву, где до пенсии работал главным библиографом Всесоюзной государственной библиотеки иностранной литературы, занимался переводами. Автор ряда публикаций о жизни эвенков в Трёхречье в журнале «Советская этнография» (1968, 1970 гг.): «Эвенки в Трёхречье (по личным наблюдениям)» [Кайгородов, 1968], «Дерсу Узала из дебрей Трёхречья (воспоминания о старом эвенке)» [Кайгородов, 1970a], «Свадьба в тайге» [Кайгородов, 1970b] и др. [Анатолий Макарович Кайгородов, <http://evenkiteka.ru/authors/a-m-kaigorodov/>]. В данном исследовании мы опираемся на сведения, полученные из перечисленных публикаций.

А.М. Кайгородов провёл своё детство в Трёхречье, жил бок о бок с оленными эвенками, которые кочевали в пределах бассейнов рек Быстрой, Аны, Маректы и Трёхречья, «имел возможность наблюдать жизнь и быт эвенков, неоднократно бывал в их стойбищах, охотился вместе с ними» [Кайгородов, 1968, 133]. Таким образом, автор видел трёхреченских оленных эвенков в органичной естественной для них среде, был с ними дружен. Трёхречье – уникальная геополитическая зона, в которой сосуществовали представители разных этносов и культур. Неудивительно, что человек, росший в таких специфических этнокультурных условиях, приобрёл интерес к этнографии и стал исследователем.

Как отмечалось выше, исследовательский опыт Кайгородова является исключительным – прежде всего, потому, что на момент тесного взаимодействия с эвенками он выступал не как учёный-полевик, а, скорее, как товарищ. Хотя, судя по всему, уже тогда в авторе проснулось исследовательское любопытство, которое вкупе с завидной наблюдательностью позволило ему в дальнейшем на основе личных воспоминаний и воспоминаний своего отца («Свадьба в тайге» написана большей частью со слов последнего) создать достаточно целостный образ «оленных людей», проживавших в Трёхречье.

Эвенки Трёхречья

Согласно сведениям, сообщаемым А.М. Кайгородовым, эвенки кочевали в пределах бассейнов рек Быстрой, Аны, Маректы и Трёхречья. В публикации «Эвенки Трёхречья (по личным наблюдениям)» [Кайгородов, 1968]. А.М. Кайгородов приводит следующие статистические данные: «По сведениям китайских источников <...>, эвенки описываемой группы в XVII–XVIII вв. кочевали в таёжных лесах верхней Лены, где их в то время было 12 родов, насчитывавших в общей сложности 700 человек. В 1840-х годах часть эвенков этой группы ушла в леса Амазара – левого притока Амура и, постепенно двигаясь в верх по Амуру и Арзуни, достигла мест нынешнего своего расселения. Вначале на правый берег Амура вышли 4 рода: Бульдотовы, Калтакуровы, Сологоновы и Келиковы. Несколько позже пришел род Кудриных и Золотовских (под этими фамилиями эвенки были зарегистрированы у японцев, под этими фамилиями они получали советские паспорта, под этими фамилиями их знали русские старожилы Усть-Урова). Тот же китайский источник приводит следующие статистические данные: в 1899 г. их было 87 семей (435 чел.), в 1913 г. – 83 семьи (число человек не указано), в 1917 г. – 63 семьи (315 человек). Китайский источник, ссылаясь на японские статистические сведения, сообщает, что к 1939 г. число семей сократилось до 46 (253 человека). В 1945 г. эвенков было 34 семьи (170 человек), в 1957 г. – 136 человек, на сентябрь 1960 г. – 146 человек» [Кайгородов, 1968, 123]. Данные статистики, представленные автором, безусловно, представляют интерес, однако, к сожалению, могут быть неточными, так как приводятся со слов старых эвенков (как указывается в примечаниях к публикации).

Проживая в д. Дубовой детство и юность, Анатолий Макарович имел возможность наблюдать жизнь и быт эвенков, неоднократно бывал в их стойбищах, охотился вместе с ними, был хорошо знаком с культурой и традициями малочисленного народа.

Деревня Дубовая – самый верхний населённый пункт по р. Дербул, здесь проходит граница тайги, ниже – лесостепь и степь. Сюда к 1927 г. переселилось большинство русских семей из дер. Цигань, в 1928 г. к Дубовой впервые вышли эвенки для меновой торговли с русскими [Кайгородов, 1968, 124]. Воспоминания А.М. Кайгородова содержат ценный этнографический материал, включающий описание традиционного уклада жизни эвенков, их быта, традиций ведения меновой торговли. Ниже мы приведём некоторые цитаты из текстов автора, описывающие различные стороны жизни кочевого народа.

Разделение труда

Рассказывая о разделении труда между мужчинами и женщинами у трёхреченских эвенков и организации их хозяйственной жизни, исследователь пишет: *«Первым навыкам в охоте эвенки начинают учить детей с шести-, семилетнего возраста, а в 12–13 лет мальчики уже успешно белкуют². С детства мальчиков учат и немудрёным ремёслам: вырезанию деревянных чашек и ложек ножом, изготовлению всевозможных изделий из бересты, кузнечному мастерству. Девочек с детства приучают к шитью, выделке кож, вышивке цветными нитками по замше. У эвенков Трёхречья существовало строгое разделение труда. Обязанностью мужчин была охота, ловля рыбы, кузнечное дело, постройка оморочки [лодки], заготовка дров. <...> Женщина строила чум, ухаживала за оленями, готовила пищу, выделывала шкуры, шила обувь и одежду, присматривала за детьми, летом раскладывала дымокур. На стоянках женщина следила за сохранностью продуктов и всего домашнего скарба, а во время перекочёвок укладывала вещи, выючила оленей. Даже перевозка мяса на стойбище, когда охотник убивал крупного зверя, входила в обязанность женщины»* [Кайгородов, 1968, 126]. Как мы видим, по наблюдениям Кайгородова, на женские плечи у эвенков Трёхречья почти полностью ложилось ведение быта, мужчинам же оставались охота, рыбная ловля, кузнечное дело.

Традиции меновой торговли

Любопытно описание процесса меновой торговли, которое приводит Кайгородов в очерке «Эвенки в Трёхречье (по личным наблюдениям)». Так как отрывок, посвящённый этому обычаю, достаточно объёмен, мы не будем приводить его полностью, но процитируем отдельные моменты. *«Русские и эвенки, связанные торговыми отношениями, называли друг друга “андак” (друг, приятель, товарищ), а вместо слов “торговать”, “меняться товарами” употребляли слово “андачить”»*, – отмечает автор [Кайгородов, 1968, 124]. Стоит отметить, что обычаи меновой торговли имели во многом ритуализированную природу. Так, например, по свидетельству Кайгородова, *«Встречи между андаками происходили по несколько раз в году, обычно 4–5 раз, и назывались “богжор”»* [Кайгородов, 1968, 125]. Каждый из «богжоров» происходил в определённое время и в определённом месте, характеризовался конкретным набором товаров [Кайгородов, 1968, 125]. Разумеется, прежде всего этот набор был обусловлен временем года, в которое происходила торговля, однако достаточно строгая регламентированность процесса вызывает ассоциации с повторяющимся ритуалом. Вот, например, описание весеннего «богжора»: *«Первый богжор устраивался в конце мая – начале июня и назывался весенним. Он происходил обычно в устье Дербукана в небольшом осиновом бору в 6 км от Дубовой. Товары эвенка на этом богжоре были следующие: панты, бучукан (шкура сохатого, очищенная от шерсти и жира, но окончательно на замшу не выработанная), медвежьи шкуры, изделия из бересты (хлебницы, табакерки, туески, спичечницы), деревянные чашки, ложки, охотничьи ножи. В обмен эвенк получил муку, ткани, нитки разных цветов, чай, соль, спирт, некоторые виды одежды, охотничьи припасы. Эвенки оставались на одном месте дня три. Вначале они принимали русских андаков у себя. Выдавали и принимали товар, угощали мясом. Потом они ехали в деревню гостить к русским андакам, что, кстати сказать, они очень любили»*. Как мы видим, «богжор» представлял собой не просто встречу с целью обмена товарами, но целый праздник, сопровождающийся, в том числе, поездками сторон «в гости» друг к другу. Интересно отметить и то, что при крещении детей в крёстные отцы эвенки обычно брали русского «андака» [Кайгородов, 1968, 130].

Традиции охоты

Хорошо известно, что у эвенков существовал (и существует по сей день) [Василевич, 1971; Забияко, Аниховский, Воронкова, Забияко, Кобызов, 2012] культ почитания природных сил и явлений. Не были исключением и трёхреченские оленные жители. А.М. Кайгородов вспоминает следующий случай, произошедший во время его охоты с эвенком: «<...> Пока он (эвенк) ходил на охоту, я приготовил ночлег: натаскал дров, развёл костёр, вскипятил чайник. К моему изумлению, охотник, подойдя к костру, побледнел и начал молча раскидывать горящие головёшки во все стороны. <...> Оказывается, я положил в огонь не те дрова, они горели хорошо, но издавали “писк” и “стреляли”, что означало гнев духов, которую отводят удачу охотника <...>». [Кайгородов, 1968, 130]. Интересный эпизод, связанный с убийством медведя на охоте, описывается также в очерке «Свадьба в тайге», он будет рассмотрен ниже.

Охотники-эвенки не единожды фигурируют в воспоминаниях А.М. Кайгородова. В частности, фигуре охотника Прокопия Петровича Бурова посвящён очерк «Дерсу Узала из дебрей Трёхречья (Воспоминания о старом эвенке)» [Кайгородов, 1970а]. Прокопий Петрович вынужден был в 1939 году переселиться с семьёй А.М. Кайгородова в деревне по причине преклонного уже возраста. Однако, несмотря на годы, старый эвенк поразил мальчика-подростка своими удивительными умениями: он мог определять время без часов, температуру – без термометра, понимать язык природы, читать следы зверя и человека и т.п. Так, например, однажды в лесу Прокопий Петрович по незаметным неопытному глазу знакам определил: «...утром сюда приходил паренёк: лет тринадцати, русский, из бедной семьи, в длинном козляке (тулупе), в косматой бараньей шапке. Прутья он рубил для ловушек на косачей, но до конца дело не довёл, так как у него сильно стали мёрзнуть руки и ноги» [Кайгородов, 1970а, 131]. Увидев недоумение на лицах спутников (Кайгородова и русского старика, отправившегося с ними), старый охотник объяснил свои выводы так: «По величине следа видно, что ему 12–13 лет. Только русские; к тому же из бедных семей, зимой ходят в ичигах, а у этого ичиги ещё и заплатаны, на левом носке образовалась дыра: видишь, стелька торчит. Да и рукавицы плохие, все в заплатках, это видно по отпечаткам на оставленном пруте. Когда он рубил, то слегка нагибался, и на снегу остались следы от кромок тулупа. Хорошо видно, что тулуп козий; так как отпечатки шерсти очень короткие (шерсть дикой козы гораздо короче шерсти домашней овны). Он зацепил шапкой ветку, и она упала. Вот её след, на котором хорошо видны тонкие мазки от длинной бараньей шерсти, а на суку остался небольшой клочок. Прутья он выбирал ровные, толщиной в палец, а именно такие идут на изготовление ловушек. Здесь у него вывалилась стелька (он показал на мятый клочок сухой травы), ноги у парня начали мёрзнуть, и, забрав нарубленные прутья, он поспешил домой. По числу срубков видно, что прутьев для изготовления ловушки не хватил» [Кайгородов, 1970а, 131]. Нетрудно вообразить, какое впечатление на мальчика произвело охотничье чутьё старика. «Он был следопытом-психологом, совершенно захватившим моё воображение», – пишет Кайгородов [Кайгородов, 1970а, 130]. Параллель с героем книг В.К. Арсеньева Дерсу Узала, разумеется, не случайна. Основываясь на опыте художественной этнографии маститого писателя, создавшего хрестоматийного персонажа – опытного охотника-таёжника, А.М. Кайгородов создаёт собственный, отчасти, пожалуй, мифологизированный детским сознанием образ мудрого старика-эвенка, знающего тайгу как свои пять пальцев и совершающего удивительные, даже отчаянные поступки. Так, например, автор рассказывает о том, как Прокопий Петрович в одиночку преследовал стадо изюбрей вместе с волками, которых в тот год стало особенно много: «Волки были справа, слева и спереди, и эвенку временами казалось, что он и сам превратился в волка. Хищники разрывали ослабевших животных на глазах у охотника, скользившего мимо них на своих широких лыжах, и обращали на него мало внимания. Наконец Прокопий Петрович дошёл до отстоя, куда в надежде найти спасение с трудом забрались остатки стада. Охотник избрал удобную позицию и с одного раза снял семнадцать зверей. Такого в истории охоты эвенков никогда не бывало. Разложив несколько больших костров около убитых животных,

чтобы спасти их туши от хищников, эвенк забрал наиболее ценные рога (они ещё не опали), вернулся к стойбищу и попросил всех мужчин помочь ему вывезти богатую добычу. На обратном пути было убито несколько волков» [Кайгородов, 1970а, 132].

Религиозные представления

По сведениям А.М. Кайгородова, формально эвенки Трёхречья были православными, однако шаманизм в их среде был широко распространён. В первые годы пребывания эвенков на правом берегу Аргуни собственный шаман был в каждом роде, к середине XX-го столетия среди трёхреченских эвенков осталась только одна шаманка – Ольга Дмитриевна Кудрина (умерла в 1943 г.), камлания которой Анатолий Макарович несколько раз наблюдал лично. До О.Д. Кудриной шаманом был Иннокентий Иванович Калтакуров, он же считался старшим и любил, когда его называли атаманом. Эвенки в Трёхречье крестили детей, обычно нарекая именем крёстного отца из русских (крёстным отцом всегда становился «андак»). Праздновали Пасху и Рождество. При вступлении в брак родители благословляли молодых иконой, иконы имелись в каждом чуме (автору хорошо запомнилось, что икона была даже в чуме у шаманки) [Кайгородов, 1968, 129–130]. Подробнее на процессе шаманского камлания и роли шамана в жизни эвенкийской общины мы остановимся, когда речь пойдёт об описании свадебных торжеств эвенков [Кайгородов, 1970b].

Свадебные традиции и ритуалы

Один из рассматриваемых нами очерков – «Свадьба в тайге» (1970 г.) – целиком посвящён описанию свадебных традиций трёхреченских эвенков. Данный текст вызывает интерес ещё и потому, что передаёт не личные воспоминания А.М. Кайгородова – автор старается воспроизвести рассказы своего отца, присутствовавшего на эвенкийской свадьбе и, судя по всему, обладавшего такими же, как его сын, способностями скрупулёзно подмечать происходящее вокруг вплоть до мельчайших подробностей [Кайгородов, 1970b].

Прежде всего обозначим некоторые культурные особенности эвенков в Трёхречье, касающиеся семьи, брака и свадьбы, которые выделяет А.М. Кайгородов в очерке «Эвенки в Трёхречье...» (1968 г.):

- счёт родства ведётся по отцовской линии, семья патриархальная;
- отношения между молодыми до брака очень строгие;
- проблему брака молодых решают родители, обсуждая в первую очередь размер калыма;
- договорённость о калыме означала окончательное решение судьбы молодых;
- калым состоял из нескольких голов оленя, определённого количества чая, соли, спирта, шкур;
- приданное невесты состояло из нескольких оленей с полным снаряжением, покрытый для летнего и зимнего чума;
- в тех случаях, когда невеста была единственной кормилицей в семье, жених уходил к ней в семью на постоянное или временное проживание, пока не подрастут братья невесты;
- замуж девушки выходили от 17 до 20 лет, такого же возраста были и молодые люди;
- девушки оценивали молодого человека по его способностям охотника, парни девушек – по их достоинствам как хозяек, по умению шить одежду (внешность и имущественное положение не играли роли);
- разводов не было, но в тех случаях, когда молодые жили плохо и муж часто бил жену, женщина кончала самоубийством [Кайгородов, 1968, 129].

Согласно сведениям Кайгородова, полученным от отца, свадебное торжество эвенков начинается на стойбище родителей невесты, у невесты приготовлено приданное: чум, седла, поты (сумки), хозяйственный скарб и всё необходимое для вьюков на четырёх оленей. Женщины готовили еду: варили оленину и уманы (кости ног сохатого изюбря, ценны костным мозгом, по примечанию автора – любимое блюда эвенков). В первый день на торжестве непременно должна была присутствовать шаманка, без неё не начиналось и пиршество. Кайгородов со слов

отца отмечает: *«Я обратил внимание на то, что во время веселья жених и невеста не сидели рядом и вообще их отношения ничем не выделялись. Друг за другом они не ухаживали и казались только знакомыми между собой людьми. У эвенков Трёхречья судьбу молодых решали родители, и это, вольно или невольно, наложило свой отпечаток на поведение молодёжи. Более того, сколько я ни прислушивался к разговорам гостей и хозяев, никто из них не говорил ни об этой свадьбе, ни о жизни после свадьбы. Не было ни советов, ни пожеланий»* [Кайгородов, 1970, 156].

После застолья гости и хозяева стали танцевать традиционный танец «хоро». Взявшись за руки, эвенки стали «танцующей» походкой делать несколько шагов сперва в одну, потом в другую сторону. Когда нужно было поворачивать, танцующие останавливались, по несколько раз ударяли в ладоши и выкрикивали хором «хоро-хоро-хоро!». Гости и жених с родителями остались ночевать на стойбище невесты, утром после пробуждения жених с родителями сразу же ушли на своё стойбище, где должно было состояться главное свадебное торжество [Кайгородов, 1970b, 156–157].

Позже тронулись в дорогу олени невесты, которых повёл её отец. Невеста, её брат и мать шли следом за выюченными караваном, за ними караван шаманки и олени гостей. *«Жених, его родители и остальные члены семьи вышли невесте навстречу и поздоровались с Катей и её родителями за руку, и мать жениха тут же благословила молодых иконой. Затем невеста и её мать быстро развьючили оленей, выюки аккуратно сложили несколько в стороне от чума родителей жениха. В одно мгновение был сооружён новый чум и это означало, что появилась новая, отдельная семья охотников. Когда олени были развьючены, к ним подошёл жених и небольшим охотничьим ножом сделал на ушах животных новую, уже свою мету»* (в примечании автор указывает, что эвенки метят оленей специальными надрезами на ушах или прожогами на копытах) [Кайгородов, 1970b, 158].

Описывает исследователь и наряд невесты, который *«состоял из голубого шёлкового платья»* и включал также *«лёгкие унты, искусно расшитые разноцветными нитками, белый платок с голубыми и красными цветочками»* [Кайгородов, 1970b, 155].

Интерес вызывает описание обряда шаманского камлания, о котором А.М. Кайгородов рассказывает, основываясь не только на воспоминаниях отца, но на личном опыте (как упоминалось ранее, исследователь не единожды наблюдал камлание эвенкийских шаманов, в частности – Ольги Кудриной). Стоит отметить особенности восприятия русским гостем эвенкийских обрядов: *«Камланье шаманов мне приходилось видеть не один раз, и глядя на это страшное зрелище, я всегда испытывал безотчётный страх. Сегодня же для волнения были основательные причины: в глухой, дикой тайге я один русский среди эвенков, и стоит шаманке сообщить своим соплеменникам, что для счастья молодых “духи велели убить русского”, как приговор мог быть приведен в исполнение. К счастью, этого не случилось»* [Кайгородов, 1970b]. Несмотря на длительные дружеские отношения и приглашение на свадьбу, шаманские обряды вызывали в русском госте тревогу и опасения за собственную жизнь. Тайга – особенный мир, таёжные жители живут по своим законам, часто непонятным пришлому человеку – даже если его воспринимают как товарища.

Далее перечисляются элементы шаманского наряда и атрибуты: *«Шаманка надела чёрное платье, прожжённое во многих местах, распустила волосы. Она извлекла бубен, который представлял собой решето, плетёное из конского волоса. Бубен был украшен многочисленными бубенчиками из жёлтой меди с разноцветными ленточками и кончиками беличьих хвостов»* [Кайгородов, 1970b, 158].

Автор весьма подробно описывает собственно процесс камлания эвенкийской шаманки: *«Шаманка резким движением руки отбросила прядь волос на лоб окинув присутствующих ошалелым взглядом. Затем так же резко одела бубен на голову, поддерживая его правой рукой. Прокатившееся по горам эхо бубенцов, похожее на отдалённый вой стаи голодных волков, показалось мне зловещим.*

Какое-то мгновение она, закатив под лоб глаза, оставалась неподвижной. Потом медленно, как будто через силу, засеменила вокруг костра, сделала один Круг, потом вдруг запрыгала, сперва на левой потом на правой ноге. Движения с

каждой минутой становились всё более быстрыми и резкими... Сорвав с головы бубен, старушка резко ударила в него, и тут началось что-то неописуемое: она то прыгала на одном месте, то пускалась в своеобразный пляс вокруг костра, остервенело колотила в бубен, диким гортанным голосом взывала к духам... Многие эвенки, глядя на это зрелище, тоже начали приходить в экстаз. Они повскакали со своих мест и дикими голосами, тараща покрасневшие глаза, стали подвывать шаманке» [Кайгородов, 1970b, 158].

И снова этнограф отмечает эмоциональное состояние русского гостя, от лица которого передаются сведения: «Со страхом ожидал я конца этого представления. У меня не бы желания ни выть, ни причитать, но не скрою, что хотелось без оглядки бежать из этого места» [Там же]. Учитывая в целом достаточно нейтральный тон рассказчика, замечания, касающиеся ужаса, охватывающего его в процессе шаманского камлания, резко выделяются на общем фоне и демонстрируют особенности восприятия инокультуры между людьми, мирно живущими в непосредственной близости друг от друга.

В целом обряд камлания, как мы видим, описан весьма скрупулёзно (хотя, по замечанию Кайгородова, предваряющему очерк, он восстанавливает его со слов отца и по опыту присутствия при других случаях исполнения шаманских ритуалов). Можно заключить, что рассматриваемый текст находится на границе научной и художественной этнографии: несмотря на детализированность описания ритуального действия, автор, фактически, создаёт художественный образ на основе воспоминаний и услышанных им рассказов.

После выслушивания предсказаний будущего счастья от шаманки (которые, по замечанию рассказчика, не отличались оригинальностью и повторяли многие пророчества, слышимые им ранее) [Кайгородов, 1970b, 159] был заколот и освежён крупный белый олень. Позже началось застолье, на котором в центре стола была размещена голова медведя. Начало трапезы должно было ознаменовать новой церемонией, на этот раз — связанной с медвежьим культом. Перед тем, как приступить к еде, эвенки стали выкрикивать заклинания, смысл которых сводился к тому, чтобы снять с себя ответственность за смерть медведя: «*Медведь, медведь — разом закричало несколько голосов, — это не я убил тебя, а русский! Он никуда не годный охотник, ленивый, плохо стреляет, только спать, да мясо есть, да вино пить любит*» [Кайгородов, 1970b, 159], при этом «убийцу» поносили бранными словами и ругательствами. Выкрикивая заклинания, эвенки съедали кусочек мяса от головы. [Там же].

Стоит предположить, что описываемый обряд был связан с древними представлениями о тотемизме и системе табу, накладывавшей запрет на убийство тотемического животного, который регулярно нарушался: имели место ритуальные убийства, убийства по неосторожности и поедание тотемного зверя. Тотем нередко рассматривался не как божество, а как некий помощник или представитель рода. Медведь в данном случае является представителем рода эвенков, что связано с мифами о появлении народа (известны представления эвенков о медведе как о дедушке) [Анисимов, 2001, 23–34].

Представления о связи девушки с медведем и медвежий ритуал породили немало запретов-оберегов в эвенкийской культуре на разные части его мяса, здесь автор описывает как мужчины съедают кусочки мяса с головы медведя, очевидно, а женщины придерживались запрета на поедание мяса головы медведя, что было связано с представлениями, что иначе во время беременности будут головные боли, роды будут тяжёлыми, а во время кормления ребёнка пропадёт молоко [Василевич, 1971, 158]. Русский гость взял «вину» за убийство медведя на себя, после чего трапеза была продолжена, а эвенки выражали гостю большую благодарность. Как отмечает А.М. Кайгородов: «*По рассказам П.Д. Кайгородова, эвенки при охоте на медведя не проявляют большой смелости, а скорее ведут себя робко. Видимо, это связано с пережитками культа медведя*» [Кайгородов, 1968, 129]. Судя по всему, поведение русского андака, который снял вину перед медведем с присутствовавших на свадьбе эвенков, оказалось в высшей степени правильным и обеспечило эвенкам (по их мнению) безопасность.

Заключение

В данной статье мы рассмотрели некоторые традиции и обычаи эвенков Трёхречья, описанные в очерках-воспоминаниях исследователя А.М. Кайгородова. На наш взгляд, данная тема заслуживает дальнейшего изучения с точки зрения этнографии, культурологии и сравнительного религиоведения (в частности, интерес представляет сравнение религиозно-обрядовой стороны жизни трёхреченских эвенков и эвенков, проживающих в других локациях, а также – русского населения Трёхречья). Тем не менее, мы постарались выделить основные особенности религиозных представлений и обрядовой деятельности трёхреченских эвенков, а также некоторые специфические черты их бытовой жизни, о которых в своих публикациях писал А.М. Кайгородов. Отдельный интерес, на наш взгляд, представляет описание охотничьих традиций и обычаев, связанных с характерным для эвенков культом медведя («дедушки», «хозяина тайги»), свадьбой и сопутствующим шаманским камланием. Опыт включённого наблюдения А.М. Кайгородова и его отца имеет неоспоримую ценность и позволяет получить достаточно целостное представление о жизни эвенков, живших в Трёхречье в первой половине XX века.

Благодарность

Исследование поддержано грантом Российского фонда фундаментальных исследований. Тема «Образы России и Китая в художественной этнографии (по материалам русской и китайской литературы, публицистики Маньчжурии 20–40-х гг. XX в.)», проект №20-012-00318.

Acknowledgement

The study was supported by a grant from the Russian Foundation for Basic Research. The theme “Images of Russia and China in literary ethnography (based on materials from Russian and Chinese literature, journalism of Manchuria in the 20s–40s of the 20th century)”, project No. 20-012-00318.

Библиографический список

1. Анатолий Макарович Кайгородов [Электронный ресурс]. – URL: <http://evenkitek.ru/authors/a-m-kaigorodov> (дата обращения: 25.10.2021).
2. Анисимов, А.Ф. Культ медведя у эвенков / А.Ф. Анисимов // Народы Крайнего Севера и Дальнего Востока России в трудах исследователей (XX век). – М.: Северные просторы, 2001. – С. 23–34.
3. Василевич, Г.М. О культе медведя у эвенков / Г.М. Василевич // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX – начале XX вв. – М., 1971. – Т. XXVII. – С. 150–169.
4. Забияко, А.П. Эвенки Приамурья: оленная тропа истории и культуры / А.П. Забияко, С.Э. Аниховский, Е.А. Воронкова, А.А. Забияко, Р.А. Кобызов / Под ред. А.П. Забияко. – Благовещенск, 2012. – 385 с.
5. Кайгородов, А.М. Дерсу Узала из дебрей Трёхречья / А.М. Кайгородов // Советская этнография. – 1970. – № 6. – С. 128–133.
6. Кайгородов, А.М. Потерянная земля (историко-этнографический очерк) / А.М. Кайгородов // Традиционная культура. – 2020. – Т. 21. – № 2. – С. 160–176.
7. Кайгородов, А.М. Свадьба в тайге / А.М. Кайгородов. – Советская этнография. – 1970. – №3. – С.153–161.
8. Кайгородов, А.М. Эвенки в Трёхречье (по личным наблюдениям) / А.М. Кайгородов. – Советская этнография, 1968. – № 4. – С.123–131.
9. Мазин, А.И. Традиционные верования и обряды эвенков-орочонов (конец XIX – начало XX в.) / А.М. Мазин. – Новосибирск: Наука, 1984. – 201 с.
10. Широкогоров, С.М. Опыт исследования основ шаманства у тунгусов / С.М. Широкогоров. – Владивосток, 1919. – 55 с.
11. Lindgren, J. Northern-Western Manchuria and the Reindeer Tungus / J. Lindgren // The Geographical Journal. – 1930. – Vol. LXXV.

Текст поступил в редакцию 23.09.2021.

Принят к публикации 17.01.2022.

Опубликован 29.03.2022.

¹ Трёхречье – историко-культурная область в северной части Автономного района Внутренняя Монголия (КНР), образованная посёлками с русским населением в бассейне трёх рек, правобережных притоков реки Аргунь: Гэньхэ (Ган), Дэрбул (Тэлбур, Дербул, Тербул) и Хаул (Хауэрхэ, Хауль). На севере Трёхречье граничит с Россией.

² Охотятся на белок. – *Прим. авт.*

References

1. Anatolij Makarovich Kaigorodov. Available at: <http://evenkitek.ru/authors/a-m-kaigorodov/> (accessed October 25, 2021) (in Russian).
2. Anisimov A.F. *Narody Krajnego Severa i Dal'nego Vostoka Rossii v trudah issledovatelej (XX vek)* [The Peoples of the Far North and the Far East of Russia in the Works of Researchers (20 century)]. Moscow: Northern vasts, 2001, pp. 23–34 (in Russian).
3. Vasilevich G.M. *Religioznye Predstavleniya i Obryady Narodov Sibiri v 19 – Nachale 20 vv.* [Religious Ideas and Rituals of the Peoples of Siberia in the 19th – Early 20th Centuries.]. Moscow, 1971, pp. 150–169 (in Russian).
4. Zabyako A.P., Anikhovskiy S.E., Voronkova E.A., Zabyako A.A. *Evenki Priamur'ya: Olennaya Tropa Istorii i Kul'tury* [Evenki of the Amur Region: Reindeer Trail of History and Culture]. Blagoveshchensk, 2012, 385 p (in Russian).
5. Kaigorodov A.M. *Sovetskaya Etnografiya* [Soviet Ethnography]. 1970, no. 6, pp. 128–133 (in Russian).
6. Kaigorodov A.M. *Tradicionnaya Kul'tura* [Traditional Culture]. 2020, vol. 21, no. 2, pp. 160–176 (in Russian).
7. Kaigorodov A.M. *Sovetskaya Etnografiya* [Soviet Ethnography]. 1970, no. 3, pp. 153–161 (in Russian).
8. Kaigorodov A.M. *Sovetskaya Etnografiya* [Soviet Ethnography]. 1968, no. 4, pp. 123–131 (in Russian).
9. Mazin A.I. *Tradicionnye Verovaniya i Obryady Evenkov-Orochonov (Konec 19 – Nachalo 20 v.)* [Traditional Beliefs and Rituals of the Evenks-Orochons (Late 19th – early 20th Centuries)] Novosibirsk: Nauka, 1984, 201 p. (in Russian).
10. Shirokogorov S.M. *Opyt Issledovaniya Osnov Shamanstva u Tungusov* [The Experience of Studying the Foundations of Shamanism Among the Tungus]. Vladivostok, 1919, 55 p. (in Russian).
11. Lindgren, J. Northern-Western Manchuria and the Reindeer Tungus. *The Geographical Journal*. 1930, vol. LXXV (in English).

Submitted for publication: September 23, 2021.

Accepted for publication: January 17, 2022.

Published: March 29, 2022.